

ГЛАВА I

Мэгги и Айре Моран нужно было поехать на похороны в Дир-Лик, штат Пенсильвания. Умер муж школьной подруги Мэгги. Дир-Лик стоял на узком провинциальном шоссе милях в девяноста от Балтимора, похороны были назначены на десять тридцать субботнего утра; значит, выехать следовало, решил Айра, около восьми. Настроение из-за этого было у него сварливым — Айра был не из ранних пташек. К тому же суббота — самый бойкий в его работе день, а замену себе не найти. Да еще и машина находилась на станции техобслуживания. Машина нуждалась в серьезном ремонте, и получить ее назад раньше восьми часов субботнего утра (время, когда открывалась станция) было никак нельзя. Айра сказал, что, может, им лучше просто-напросто никуда не ехать, но Мэгги ответила: надо. Она и Серина дружили с младенчества. Или почти с младенчества — сорок два года, начиная с первого класса школы мисс Киммель.

Подняться они собирались в семь, однако Мэгги неправильно поставила будильник, и оба проспали. Одеваться пришлось второпях, а на завтрак обойтись

наспех заваренным кофе и хлопьями. Проглотив их, Айра пешком отправился в свою мастерскую, чтобы прилепить к двери записку для клиентов, а Мэгги пошла за машиной. Она надела лучшее свое платье, синее с белым рисунком и рукавами наподобие пелерины, и новенькие черные туфли-лодочки — похороны все-таки. Каблуки у туфель были не очень высокие, тем не менее быстро идти не позволяли: Мэгги больше привыкла к каучуковым подошвам. А тут еще колготки как-то перекошились в промежности, отчего шажки ей приходилось делать мелкие, неестественно ровные, и по тротуару она продвигалась, точно какая-нибудь коренастая заводная игрушка.

На ее счастье, станция находилась всего в нескольких кварталах от дома. В этой части города все было перемешано — небольшие каркасные дома, такие же, как у Моранов, а рядом ателье фотографов-портретистов, маленькая, способная обслужить лишь одну клиентку за раз парикмахерская, водительская школа и ортопедическая клиника. Но погода была чудесная: теплый, солнечный сентябрьский денек, и ветерок такой приятный — в самый раз, чтобы освежить Мэгги лицо. Она шла, приглаживая свою челку, которая все норовила закурчавиться и обратиться в вихор. Шла, сжимая под мышкой нарядную сумочку. Шла, потом повернула налево — вот и станция, «Кузов и Крылья». Облупившаяся зеленая дверь уже поднята, за ней, в пещерном нутре, стоит резкий запах краски, наводящий на мысль о лаке для ногтей.

Чек у Мэгги был заготовлен заранее, управляющий сказал, что ключи в машине, ничто ее не задерживало. Автомобиль — пожилой серовато-синий «додж» — стоял у задней стены гаража. Выгля-

дел он лучше, чем в последние несколько лет: задний бампер выпрямлен, покореженная крышка багажника отрихтована, с полдюжины вмятин тоже, пятна ржавчины на дверцах покрашены. Айра прав: в конце концов, покупать новую машину им ни к чему. Мэгги уселась за руль, включила зажигание, и тут же заработало радио — «АМ Балтимор» Мела Спрюса, ток-шоу «Звоните — отвечаем». Ладно, пусть немного поработает. Она подправила сиденье — кто-то, выше Мэгги, слишком отодвинул его назад, — наклонила слегка зеркальце заднего вида. Собственное лицо уставилось на нее, круглое, чуть лоснящееся, с некоторой неуверенностью и как будто тревогой в голубых глазах, хотя на самом деле она всего лишь прищурилась, чтобы лучше видеть в полумраке. Включив передачу, Мэгги плавно поплыла к выезду на улицу, рядом с которым стоял, мрачно созерцая прикрепленную к двери его офиса доску извещений, хозяин станции.

Сегодня на «АМ Балтимор» обсуждался вопрос: «Что делает брак идеальным?» Позвонившая в студию женщина сказала: общность интересов. «Типа, когда вы смотрите по телику одни программы», — пояснила она. Мэгги вопрос об идеальном браке интересовал меньше всего, она уж двадцать восемь лет как замужем. Опустив стекло, Мэгги крикнула: «Ну, пока!» — и хозяин станции оторвал взгляд от доски.

Мягкий голос сказал по радио: «А я вот снова замуж собралась. В первый раз вышла по любви. По настоящей искренней любви, и ничего из этого не получилось. В следующую субботу выйду ради уверенности в завтрашнем дне».

Мэгги взглянула на шкалу настройки и спросила:
— Фиона?

Она собиралась нажать на тормоз, а нажала на акселератор и вылетела из гаража на улицу. Накативший слева фургон «Пепси» вмазался в ее переднее левое крыло — единственную часть машины, с которой ничего хоть в малой мере дурного до сих пор не происходило.

В далеком детстве Мэгги играла с братьями в бейсбол и, если ей случалось пораниться, уверяла их, что все у нее хорошо, потому что боялась, как бы они не выкинули ее из игры. Собиралась с силами и бегала, не прихрамывая, несмотря на мучительную боль в колене. Теперь она вспомнила об этом, и когда хозяин станции подбежал к ней с криком: «Какого... Вы целы?» — Мэгги, величаво глядя вперед, ответила: «Разумеется. А почему вы спрашиваете?» — и отъехала еще до того, как водитель «Пепси» выбрался из кабины. Судя по его лицу, с ним тоже все было в порядке. Однако, сказать по правде, крыло издавало весьма неприятный звук, примерно как пустая консервная банка, когда ее волокут по гравию, и потому, свернув за угол (двое мужчин, один чесал в затылке, другой размахивал руками, исчезли из зеркальца заднего вида), Мэгги остановилась. Фионы в эфире больше не было. Вместо нее какая-то женщина скрипучим тенором проводила сравнительный анализ своих пятирх мужей. Мэгги выключила двигатель и вышла из машины. Причину неприятного шума она обнаружила сразу: крыло вдавилось внутрь и цепляло покрывку — удивительно, что колесо вообще вертелось. Мэгги присела на бордюрный камень, взялась обеими руками за край крыла и потянула его на себя. (И вспомнила, как сидела на корточках в высокой траве дальнего поля и воровато, наморщась, отлепляла штанину джинсов от окровавленного колена.) Несколько

хлопьев серовато-синей краски упали на подол платья. Кто-то прошел за ее спиной по тротуару, однако она, притворившись, что ничего не замечает, снова потянула крыло. На сей раз оно поддалось — не так чтобы очень, но от крышки отлипло, и Мэгги встала и отряхнула руки. Потом снова забралась в машину, но примерно минуту просто сидела в ней. «Фиона!» — повторила она. А когда запустила двигатель, радио уже рассказывало что-то о банковских ссудах, и Мэгги его выключила.

Айра ждал ее перед своей мастерской, непривычный и странно франтоватый в темно-синем костюме. Над ним покачивалась на ветерке железная вывеска: БАГЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ СЭМА. РАМЫ, ПАСПОРТУ. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОФРМЛЕНИЕ ВАШИХ ВЫШИВОК. Сэм был отцом Айры, но с тех пор, как обзавелся тридцать лет назад «слабым сердцем», бизнеса своего и пальцем не коснулся. Мэгги всегда брала «слабое сердце» в кавычки. И подчеркнуто игнорировала окна расположенной над мастерской квартиры, где Сэм влачил в тесноте свои праздные, брюзгливые дни в обществе двух сестер Айры. Наверное, он стоял сейчас у одного из окон, наблюдая за Мэгги. Она притормозила у бордюра и переползла на пассажирское сиденье.

Подходя к машине, Айра внимательно осматривал ее. Для начала он с удовольствием и одобрением окинул взглядом капот, однако, увидев левое крыло, остановился. Длинное, худое, оливковое лицо его вытянулось. Глаза, и без того настолько прищуренные, что трудно было сказать черные они или просто темно-карие, превратились в озадаченные, уставившиеся вниз щелки. Он открыл дверцу, сел и направил на Мэгги полный печали взгляд.

— Непредвиденная ситуация, — сказала Мэгги.

— Всего лишь между автостанцией и мастерской?
— Я услышала по радио Фиону.
— Каких-то пять кварталов! Всего-навсего пять или шесть.

— Айра, Фиона выходит замуж.

Машину он из головы выбросил, с облегчением отметила она. У него даже лоб разгладился. Несколько мгновений он смотрел на Мэгги, а потом спросил:

— Какая Фиона?

— Твоя сноха, Айра. Ты много Фион знаешь? Фиона, мать твоей единственной внучки, выходит замуж за какого-то совершенно неизвестного человека ради уверенности в завтрашнем дне.

Айра сдвинул сиденье назад и отъехал от бордюра. Казалось, он к чему-то прислушивался — возможно, к стуку колеса. Но, по-видимому, с крылом она надрывалась не зря.

— Где ты об этом услышала? — спросил он.

— По радио, пока вела машину.

— Теперь о таких штуках по радио объявляют?

— Она позвонила в студию.

— Ну, если хочешь знать мое мнение, это свидетельствует о... несколько завышенной самооценке, — сказал Айра.

— Да нет, она просто... и потом Фиона сказала, что Джесси — единственный, кого она любила по настоящему.

— Так прямо по радио и сказала?

— Это же ток-шоу.

— Не понимаю я, почему нынче каждый норовит раздеться догола на глазах у публики, — сказал Айра.

— Как по-твоему, Джесси мог ее услышать? — спросила Мэгги. До сих пор ей это в голову не приходило.